

месцам і часам, паколькі яны бываюць карыснымі, калі адпавядаюць гэтым абставінам, і наадварот, робяцца шкоднымі, калі не суадносны з імі [18, с. 638].

У іншым ключы распрацоўваюць праблематыку поспітства і аскезы С.І. Смірноў, доктар царкоўнай гісторыі, ардынарны прафесар па кафедры Гісторыі Рускай Царквы. Ён узяў за аснову пакаянную дысцыпліну ў старажытнай Русі. Цыкл артыкулаў С.І. Смірнова пад назвай «Как говели в древней Руси» быў апублікаваны ў выданні «Прибавления к Церковным ведомостям». Аўтар глыбока вывучыў летапісы, царкоўныя павучальныя зборнікі, статуты. Ён падрабязна раскрыў традыцыю гавення – падрыхтоўкі да споведзі і прыняцця святога таінства. С.І. Смірноў канстатаваў, што гэтая традыцыя ў старажытнай Царкве была адным з магутнейшых сродкаў добрага ўплыву на народ [20].

Такім чынам, даследаванні поспітства і аскетызму ў рускай царкоўнай гістарыяграфіі ў канцы XIX – пачатку XX ст. перажываюць значныя змены. Відавочна намеціліся тэндэнцыі адступлення ад філасофска-гістарычнага абагульнення, прынятыя гісторыкамі XIX ст., што суправаджалася развіццём вывучэння тыпу спецыяльнай манаграфіі. Пытанні посту, уплечыня ў канву агульнай гісторыі хрысціянства, праваслаўя, перайшлі да даследавання праблемы ў кантэксце вывучэння маральнай тэалогіі, дзе давялося звярнуць пільную ўвагу на гісторыю аскетызму і поспітства.

ЛІТАРАТУРА І КРЫНІЦЫ

1. Вернадский, В.И. Труды по всеобщей истории науки / В.И. Вернадский; общ. ред. С.Р. Микулинского; предисл. А.Л. Яншина. – М.: Наука, 1988. – 334 с.
2. Соловьев, С.М. Сочинения. В 18 кн. История Россия с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М.: Мысль, 1988 – 1995.
3. Ключевский, В.О. Сочинения. В 9 т. Курс русской истории / В.О. Ключевский; под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1988 – 1995.
4. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1941. – 659 с.
5. Россия в начале XX века / под ред. А.Н. Яковлева – М.: Новый хронограф, 2002. – 744 с.

6. Глубоковский, Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии / Н.Н. Глубоковский. – Б.м.: Изд. Свято-Владимирского, 1992. – 57 с.
7. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Т. 1. / А.В. Карташев. – М., 1991. – 704 с. [репр. изд.: Париж, 1959].
8. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Протоиерей Георгий Флоровский. – Париж: YMGA-PRESS, 1983. – 600 с.
9. Бронзов, А.А. Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев, как профессор нравственного богословия в СПб. Духовной Академии по поводу исполнившегося 50-летия со дня окончания им академического курса / А.А. Бронзов // Христианское чтение. – 1899. – № 10. – С. 560–572.
10. Глушкарёв, С. Историография Русской Православной Церкви / С. Глушкарёв // Журнал Московской патриархии. – 1998. – № 5. – С. 67–79; № 6. – С. 46–67.
11. Солнцев, Н.И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX вв. / Н.И. Солнцев. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – 200 с.
12. Соляровский, П.Ф. Нравственное православное богословие / П.Ф. Соляровский. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1901. – 359 с.
13. Янышев, И.Л. Православно-христианское учение о нравственности / И.Л. Янышев. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1906. – 462 с.
14. Олесницкий, М.А. Нравственное богословие. Православие и современность / М.А. Олесницкий. – СПб.: [Электронный ресурс]. – 1900. – Режим доступа <http://www.lib.eparhia-saratov.ru> <<http://www.lib.eparhia-saratov.ru>>. – Дата доступа: 10.10.2013.
15. Стеллецкий, Н.С. Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении. В 3 т. Т. 3 / Н.С. Стеллецкий. – Харьков: Епархиальная типография, 1914. – 345 с.
16. Тареев, М.М. Основы христианства. В 5 т. / М.М. Тареев. – Сергиев Посад, 1908, 1910. – 319 с.
17. Пономарев, П.П. Догматическое основы христианского аскетизма по творениям восточных писателей-аскетов IV века / П.П. Пономарев. – Казань, 1899. – 217 с.
18. Зарин, С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. В 3 т. Т. 1. / С.М. Зарин. – СПб.: Тип. Киришбаума, 1907. – 694 с.
19. Смирнов, С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки) / С.И. Смирнов // ЧОИДР. – М., 1912. – Кн. 3. (242). – 568 с.
20. Смирнов, С.И. Как говели в древней Руси? / С.И. Смирнов // Прибавления к Церковным ведомостям. – 1901. – № 8–10.
21. Мень, А. Библиологический словарь. В 3 т. Т. 2. / Протоиерей Александр Мень. – М.: Фонд имени прот. Александра Менья, 2002. – С. 555.

SUMMARY

The article consider the development of Russian ecclesiastical historiography at the end of the XIX – beginning of the XXth centuries. The author explores the problem of fasting in Christianity and Russian Orthodoxy. The works of Russian ecclesiastical historians devoted to the study of fasting are analysed.

Паступіў у рэдакцыю 20.03.2014 г.

УДК 930 «.../1917»:008(476)(091)«17/18»

А.Н. Симончик
аспирант кафедры истории Беларуси БГПУ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Вдосоветский период исследования по историографии истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в. осуществлялись по истории, этнографии и фольклору в виде небольших обзоров работ предшественников, в которых рассматривались эти вопросы российскими, белорусскими и украинскими учеными.

лору в виде небольших обзоров работ предшественников, в которых рассматривались эти вопросы российскими, белорусскими и украинскими учеными.

Один из первых анализов исследования польских ученых, практически голословный, без указания авторов и научных работ, за исключением сборника Р. Зенкевича «*Piosenki gminne ludu Piskiego*» (1851 г.), содержит предисловие к исследованию П.А. Гильтенбрандта «Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае». Так, сборник Р. Зенкевича приведен в качестве примера фальсификации истории польскими исследователями. В своей работе он «на одной странице указывал транскрипцию текста белорусской песни, на другой польский перевод, донельзя искаженный польскими понятиями и положениями, умышленно искажавшими факты». В заключение П.А. Гильтенбрандт подвергает острой критике стремление польских исследователей ополчить белорусскую культуру конца XVIII – первой половины XIX в. [2, с. IV–V].

Значительный анализ исследований польских ученых, в которых рассматривались вопросы истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в., содержит пояснение издания П.А. Бессонова «Белорусские песни». Положительный отзыв этнографических и фольклорных работ о Беларуси польских исследователей (С.Б. Линде «*Slownik jezuka polskiego*» (1814 г.), В. Доленга-Ходаковского «*Podroz po Rosyji*» (1822 г.), Л. Голембёвского «*Lud polski, jego zwyczaj, zabawy*» (1830 г.)) сменился острой критикой искажения фактов при отражении особенностей развития белорусской культуры исследуемого периода. По этой причине П.А. Бессонов сочувствует народу «дивного белорусского края» и впервые среди российских исследователей призывает русскую общественность с уважением относиться к белорусской самобытной культуре, получившей возможность развития в первой половине XIX в. [1, с. XXI–XXII].

В конце 80-х гг. XIX в. российский ученый А.Н. Пыпин публикует первые статьи по истории белорусской этнографии в журнале «Вестник Европы», в которых помещает обзоры научных исследований польских и российских ученых, в работах которых освещались те или иные вопросы истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в.

Так, перечень работ польских ученых, кроме уже известных исследований С.Б. Линде «*Slownik jezuka polskiego*», Л. Голембёвского «*Lud polski, jego zwyczaj, zabawy*», Р. Зенкевича «*Piosenki gminne ludu Piskiego. Zbieral I przekladal Romuald Zienkiewicz*», А. Рыпинского «Беларусь» [10, с. 673–686], дополнен обобщенным анализом работ И. Ярошевича, И.И. Крашевского, Н. Малиновского [10, с. 681–682], Я. Чечота «*Piosnki wiesniacze z nad Niemana b Dzwiny*», И. Даниловича «*Latopisiec Litvy I Kronica ruska*» (1827 г.), в котором кри-

тикует польских исследователей за намеренное искажение развития белорусской культуры исследуемого периода, ее целенаправленное ополчение и опровергает польскую концепцию этнической и культурной близости белорусов с поляками [11, с. 211–223].

В качестве примера позиции польских ученых автор приводит цитату из книги А. Рыпинского: «Белая Русь есть та же Польша – эта Русь, насколько она есть и будет польскою, и живет здесь простой народ славянского племени, издавна тесно породнившийся с семьей ляхов, честный, но убогий, и мало известный даже его собственной отчизне Польше, хотя он любит ее выше всего. Народ, который выбрал себе за мать Польшу, бросился вместе с Литвой в ее заботливые объятия и прильнул к ней со всей сыновьей любовью». Белорусский язык, по мнению автора, культурно соединяет белорусов теснее с Польшей, чем с Москвою, а сама белорусская народность рассматривалась им как ступень к польской [10, с. 683].

В результате анализа работ российских ученых (М.О. Кояловича «Историческое исследование Западной России», Р.Ф. Риттиха «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России», статьи П.О. Бобровского в «Русском инвалиде» (1864, № 75, № 80) [12, с. 662–663]), считавших белорусов культурно ближе к великороссам, чем к полякам, и исследование П.А. Бессонова «Белорусские песни», опровергавшим польскую концепцию культурной близости белорусов и поляков [13 с. 196–201], А.Н. Пыпин соглашается с российской концепцией культурной близости белорусов с великороссами.

П.А. Сапуновым в работе «Белоруссия и белорусы» положительный отзыв получила работа российского ученого П.А. Бессонова «Белорусские песни», в которой последним выдвинута гипотеза о том, что «белорусы – это и не поляки, и не русские, а отдельный народ, со своей богатой культурой, которая после включения Беларуси в конце XVIII в. в Российскую империю и на протяжении первой половины XIX в. самостоятельно возрождалась и развивалась» [14, с. 19]. Кроме того, ученым осуществлено голословное, без указания работ польских исследователей, опровержение гипотезы польских этнографов, считавших белорусскую и литовскую народности разновидностями поляков, а также подобное опровержение версии литовско-латышских публицистов, утверждающих, что белорусы – славянизированные литовцы. Он категорически отрицает существование в Западном крае поляков и соглашается лишь с существованием окатоличенных белорусов [14, с. 1–2, 12].

В конце XIX в. историографический анализ работ, в которых рассматривались вопросы

истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в., начинают помещать в своих исследованиях белорусские ученые.

Один из известнейших белорусских ученых А.Г. Киркор в своем исследовании «Живописная Россия ...» (1881 г.) подробно перечисляет польских и российских исследователей, которые в своих работах рассматривали вопросы истории культуры Беларуси исследуемого периода. Так, среди польских ученых без цитирования работ, кроме известных С.Б. Линде, Л. Голембёвского, Я. Чечота, упоминаются такие исследователи, как И. Лелевель, Я. Борщевский, Е. Тышкевич, считавшие в своих работах белорусов культурно близкими к полякам. Однако среди российских ученых фигурируют фамилии М.А. Дмитриева, П.А. Гилтенбрандта, П.А. Бессонова, опровергавших польскую версию о культурной близости белорусов с поляками. Кульминацией исследования является убеждение ученого о необходимости всесторонней ассимиляции белорусов с поляками, несмотря на то, что им же отмечено отличимое развитие белорусской культуры в исследуемый период от польской [4, с. 328].

Во вступительной части работы «По Минской губернии» (1889 г.) Н.А. Янчуком, после анализа статей по истории белорусской этнографии А.Н. Пыпина, работы Р.Ф. Эркерта «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» (1863–1864), этнографического сборника А. Рыпинского «Беларусь», подчеркнуто, что «Беларусь никогда не была ни русским краем, ни польским, несмотря на то, что ощутила на себе изначально многовековое влияние польской культуры, а затем, после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. и присоединения к Российской империи, не остановилась в своем культурном развитии» [15, с. 4, 7, 25].

Белорусский ученый А.К. Ельский значительно расширил диапазон исследований польских, российских и белорусских ученых, в которых рассматривались вопросы истории культуры Беларуси. Так, перечень работ польских ученых дополнен исследованиями Р. Подберезского «Лісты з Белой Русі», Ю. Ярошевича «Карціна Літвы», К. Буйницкого «Rubon» (1845 г.), в которых лоббировалась польская концепция культурной близости белорусов и поляков. В свою очередь, исследования российских ученых дополнены трудами А. Восковского «Белоросия. Этнографический очерк», В. Турчиновича «Обзор истории Беларуси с древнейших времен», а среди работ белорусских ученых указано исследование В.А. Антоновича «Монография по истории Западной и Юго-Западной России, видевших Западный край в исследуемый период культурно ближе к Российской империи, чем к Польше» [5, с. 337–357].

В конце XIX – начале XX в. выходят научные работы известного белорусского ученого Е.Ф. Карского, где он помещает обзоры этнографических и фольклорных работ и научных исследований Беларуси, в которых анализировалась история культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в.

Анализ исследований польских ученых, в которых рассматривались вопросы истории культуры Беларуси конца XVIII – XIX в., содержит научная работа Е.Ф. Карского «Разбор этнографического труда П.В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». Е.Ф. Карским положительно оценены ранние работы польских ученых М. Чарновской «Zabytki mitologii slawianskiej w zwyczajach wiejskiego ludu na Bialej Rusi» (1817 г.), статья И. Шидловского «Obrtedy weselne ludu wiejskiego w gubernii Minskiej, obserwowane w latach» (1800 г.), К. Фалютынского «Народные праздники, увеселения, поверья и суеверные обряды жителей Белоруссии» (1828 г.), в которых, в отличие от ряда поздних работ польских исследователей, не осуществлялась фальсификация развития культуры Беларуси в исследуемый период [6, с. 3, 7, 9].

Полный анализ исследований Беларуси конца XVIII – начала XX в. польскими, белорусскими и российскими учеными (этнографами, фольклористами и языковедами), в которых рассматривались вопросы истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в., содержит первый том известнейшей научной работы Е.Ф. Карского «Белоруссы».

Уже известные исследования российских ученых дополнены работами А. Котляревского, З.М. Пенкиной, А.П. Смородского, также расширен спектр исследований польских ученых, среди которых отмечены работы А. Мера, И. Шидловского, А.И. Левшина, И. Храповицкого, Р. Друцкого-Подберезского, С. Микуцкого, И. Юркевича, Н. Анимеле, В. Неверовича, М. Галынского, И. Каменки, К. Мальчевского, А. Тулуба, Н. Гашкевича, С. Соколова, Ф. Богуславского, М. Цебрикова, И. Зеленского, М. Домонтовича, А. Висковского, О. Богуславского, С.П. Микуцкого, О.М. Бодянского, М. Попроцкого и др.

В ходе анализа работ вышеперечисленных российских и польских исследователей, ученый приходит к выводу, «что население Северо-Западного края не поляки и не русские, а отдельный, со своим национальным характером, языком, своими самобытными традициями, обрядами и культурой народ». Таким образом, им выдвинута гипотеза, позже закрепленная в концепции, согласно которой белорусы – третий восточнославянский народ со своей культурой, которая после присоединения территории

Беларуси в конце XVIII в. к Российской империи получила возможность дальнейшего развития и, несмотря на события первой половины XIX в., значительно шагнула вперед [7, с. 201, 203, 207–208, 213–217, 219–223, 228–239, 245, 249–250, 266].

Первая русская революция и Первая мировая война расставили свои приоритеты в исследованиях ученых. Ряд ученых акцентировали внимание на изучении отдельных аспектов историографии истории Беларуси. Историографические обзоры по проблеме исследования в своих работах осуществляло незначительное количество белорусских и украинских исследователей.

Так, среди белорусских ученых начала XX в., анализировавших историографию истории культуры Беларуси периода позднего феодализма, следует отметить В.Ю. Ластовского. Ученый в своей работе «Кароткая гісторыя Беларусі: з 40 рысункамі» (1910 г.) ограничивается анализом работ российского ученого по белорусской этнографии А.Н. Пыпина и польского этнографа А. Рыпинского «Беларусь». Он соглашается с А.Н. Пыпиным в том, «что литература 60-х гг. XIX в. оставила вредительский след для Беларуси и для российского общества, и стремилась вычеркнуть то культурное достояние белорусского народа, которое накопилось за период конца XVIII – первую половину XIX в. По мнению В.Ю. Ластовского, «присланные из Петербурга и глубин России люди не знали ни “тутэйшага” краю, ни его истории и на протяжении веков установившихся порядков, но и не хотели знать и поддерживать. Все силы этих людей были направлены на то, чтобы заретушировать все “тутэйшаства” и как можно более вытянуть “великорусское”. Они имели своей целью уничтожить в крае всякую польскость, но и охотно уничтожали все местное белорусское» [9, с. 92–95].

Среди украинских ученых, в работах которых помещалась историография истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в., следует упомянуть наиболее значимых: Д.И. Дорошенко, И.П. Крипьякевича. Так, И.П. Крипьякевич, в своем исследовании «Білорусі» ограничился голословной критикой работ польских ученых о культурной близости поляков и белорусов [8, с. 8]. В отличие от него, Д.И. Дорошенко в своем исследовании более детально анализирует работы российских ученых (М.О. Кояловича, А.Н. Пыпина), демонстрировавших всеми средствами то, что Беларусь исконно русский край, и польских исследователей (С.Б. Линде, Л. Голембёвского, И.С. Бандтке, Лукашевича, М. Балинского, Т. Нарбута, Ю. Ярошевича, И. Даниловича), считавших территорию Беларуси польской, а самих белорусов близкими к полякам. По мнению украинских исследователей, в конце XVIII – начале XIX в.

началось возрождение не только белорусской культуры, но и всего белорусского [3, с. 13–20].

Таким образом, со второй половины XIX до начала XX в. историографический анализ исследований, в которых рассматривались те или иные вопросы истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в., а также опровержение польской концепции культурной близости белорусов с поляками, с позиционированием российской концепции этнической и культурной близости белорусов с великороссами, в своих работах помещали российские ученые П.А. Гильтенбрандт, П.А. Бессонов, А.Н. Пыпин, П.А. Сапунов.

В конце XIX – начале XX в. анализ польских и российских работ, в которых изучались вопросы истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в., опровергалась польская и российская концепции этнической и культурной близости белорусов с великороссами или поляками, стали помещать в своих исследованиях белорусские ученые А.Г. Киркор, Н.А. Янчук, А.К. Ельский, Е.Ф. Карский, В.Ю. Ластовский.

В начале XX в. историографический анализ работ, в которых рассматривались вопросы истории культуры Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в., стали давать в своих работах украинские ученые Д.И. Дорошенко, И.П. Крипьякевич, опровергавшие польскую и российскую концепции, соглашаясь с исследованиями белорусских ученых, считавших, что белорусы – отдельный этнос со своей культурой, которая имела исторические корни и развивалась по самобытному пути.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бессонов, П.А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П.А. Бессонов. – М.: Издержками Общества любителей российской словесности (в Типографии Бахметева), 1871. – Вып. 1: Бессонов, П.А. [Песни обрядовые]. – [2], LXXXI, II, 176 с.
2. Гильтебрандт, П.А. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае / П.А. Гильтебрандт. – Вып. 1: Песни, пословицы, загадки Гродненской, Виленской и части Минской губерний. – Вильно: Издание редакции «Виленского вестника» (В тип. Р.М. Ромма), 1866. – СХVIII, 294 с.
3. Дорошенко, Д. Білорусі і іх національне відродження / Д. Дорошенко. – Київ: Вид-во «Український учитель», 1908. – 33 с.
4. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 12 т. / под общ. ред. П.П. Семенова. – СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф, 1881 – 1901 (Типография товарищества М. О. Вольф). – Т. 3, Ч. 1. «Литовское Полесье: с 113 рисунками в тексте и 15 отдельными картинами в тексте и 15 отдельными картинами, резанными на дереве; Ч. 2. Белорусское Полесье: с 80 рисунками в тексте и 11 отдельными картинами, резанными на дереве. – 1882. – [4], 490, VI с., [26] л. ил., портр.
5. Ельскі, А.К. Выбранае: пер. з польск. / А.К. Ельскі; уклад. Н. Мазоўка і У. Казберука; камент. У. Казберука і інш.; прадм. У. Казберука і К. Цвіркi. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2004. – 493 с. [4] с.: іл.
6. Карский, Е.Ф. Разбор этнографического труда П.В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». Т. I. Ч. I. – СПб., 1887. Т. I, ч. II; СПб., 1890. Т. II; СПб., 1893 / Е.Ф. Карский. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. – [4], 85 с.

7. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т., 7 вып. / Е.Ф. Карский. – Варшава, 1903–1922. – Т. 2: Язык белорусского племени, [вып.] 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1908. – [2], IV, XXIV, 579 с.
8. Крип'якевич, І.П. Білорусі / І.П. Крип'якевич. – у Львові: 3 друк. наук. тов-ва ім. Т. Шевченка під зарядом К. Беднарського, 1909. – 16 с.
9. Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі: з 40 рысункамі / Власт. – Вільня: Друкарня М. Кухты, 1910. – IV, 104 с.: іл., партр., факсім.
10. Пыпин, А.Н. Белорусская этнография / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 4. – С. 644–686.
11. Пыпин, А.Н. Белорусская этнография / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 5. – С. 211–252.
12. Пыпин, А.Н. Белорусская этнография / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 6. – С. 640–681.
13. Пыпин, А.Н. Белорусская этнография / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 7. – С. 184–226.
14. Сапунов, А. Белоруссия и белорусы / А.П. Сапунов. – Витебск: Губернская типография, 1910. – 21 с.
15. Янчук, Н.А. По Минской губернии: заметки из поездки в 1886 г. / Н.А. Янчук. – М.: Тип. А. Левинсон и К, 1889. – 130, 10 с.

SUMMARY

The article describes historiographical studies of pre-Soviet period in the cultural history of Belarus from late 18th to the first half of 19th century.

The author distinguishes the works of Russian scientists (P.A. Giltenbrandt, P.A. Bessonov, A.N. Pypin and P.A. Sapunova). The author also distinguishes the works of Belarusian scientists (A.G. Kirkor, N.A. Yanchuk, A.K. Elskiy, E.F. Karskiy and V.Y. Lastovskiy). The author places emphasis on the works of Ukrainian scientists (D.I. Doroshenko and I.P. Kripyakevich) which also deny the Polish and Russian concept and agree with the research of Belarusian scientists, who treated Belarusians as a separate ethnic group with its own culture that emerged from its own historical roots and developed in its unique ways.

Поступила в редакцию 01.10.2014 г.

УДК 94(438)«192»:323.1–053.81

В.І. Крывучь,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін БарДУ

ЛАГЕР НАЦЫЯНАЛЬНАГА АБ'ЯДНАННЯ І РАЗВІЦЦЁ ПРАЎРАДАВАГА МАЛАДЗЁЖНАГА РУХУ 2-й РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 30-х гг. ХХ ст.

Праблема развіцця і дзейнасці праўрадавага маладзёжнага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд працягвае захоўваць актуальнасць, паколькі яна не знайшла комплекснага адлюстравання ў айчынай гістарыяграфіі. Трэба адзначыць, што ў савецкія часы ў асноўным вивучалася гісторыя камсамола Заходняй Беларусі і яго барацьба за ўплыў на мясцовую моладзь [1]. Праўрадавыя маладзёжныя саюзы ўпаміналіся толькі ў кантэксце гэтай барацьбы. Сёння пачалі з'яўляцца публікацыі, у якіх разглядаецца дзейнасць некаторых польскіх маладзёжных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў перыяд, калі яна знаходзілася пад польскай акупацыяй [2]. Аднак асноўная ўвага надаецца найбольш вядомым аб'яднанням – Стралецкаму саюзу, Легіёну маладых, Саюзу сельскай моладзі. Па-ранейшаму застаецца малавивучанай дзейнасць арганізацый, створаных у другой палове 1930-х гг. і звязаных з правым крылом «санацыі», Лагерам нацыянальнага аб'яднання (ЛНА).

Мэта даследавання – асвятленне ідэйнай эвалюцыі «санацыйнага» рэжыму ў другой палове 1930-х гг. і яе ўплыў на развіццё праўрадавага маладзёжнага руху 2-й Рэчы Паспалітай, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая ў той час знаходзілася ў складзе міжваеннай польскай дзяржавы.

Неабходна адзначыць, што пасля смерці Ю. Пілсудскага ў 1935 г. «санацыйны» лагер захаваў сваю ўладу, але ўнутры яго адбылася так званая «дэкампазіцыя», што паўплывала і на ўрадавую маладзёжную палітыку. «Санацыя» раскалолася на тры групыкі. Першая, «замкавая», аб'ядналася вакол прэзідэнта І. Масьціцкага і займала адносна памяркоўную пазіцыю. Другую ўзначаліў Генеральны інспектар узброеных сіл, генерал, у далейшым маршал Э. Рыдз-Сміглы. Яе прадстаўнікі выступалі за ўсталяванне больш аўтарытарнага рэжыму. Трэцяя групыкай з'яўлялася «група палкоўнікаў» на чале з В. Славекам, лідарам Беспартыйнага блока супрацоўніцтва з урадам (ББСУ). Апошняя групыка вельмі хутка была адхілена ад улады. Урад В. Славека пайшоў у адстаўку, а ББСУ быў распушчаны.

У «санацыйнай» ідэалогіі пасля 1935 г. адбыліся значныя і прынцыповыя змены. Сучасныя польскія даследчыкі адзначаюць, што ў 1926–1935 гг. пілсудчыкі аднагалосна заяўлялі аб неабходнасці падпарадкавання інтарэсаў нацыі інтарэсам дзяржавы. Абвяшчаўся тэзіс прымату дзяржавы над нацыяй. Лічыцца, што ў той перыяд пілсудчыкі абвяргалі нацыяналістычныя погляды, якія яны лічылі шкоднымі для інтарэсаў 2-й Рэчы Паспалітай. Такім чынам, на думку польскіх гісторыкаў, «санацыйныя» ідэалагі надавалі патрыятызму антынацыяналістыч-